

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

Н.В. Пешкова*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**peschkoffa@gmail.com***ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В КОНФРОНТАЦИОННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ****[*Nataliya V. Peshkova* Phonetic means of language game representation
in confrontational political media discourse]**

Modern political media discourse is characterized by a high level of speech aggression. At the same time, the language game is one of the most frequent sources of generating acute interpersonal conflicts. A language game is always associated with a violation of norms, is characterized by illocutionary duality, and therefore is a complex object of primary legalization. A specific feature of the implementation of a language game by means of the phonetic level is that, along with invective and metalanguage functions, it is also capable of implementing a neutralizing function. The latter is aimed at restoring the status quo between communicants within the framework of a heated political debate. The phonetic level of the language system is characterized by a high degree of conservatism. Hence, any deviation from the rules attracts the attention of the recipient and creates a vivid and memorable image. The article studies the most productive types of a language game based on violating the norms of phonetics.

Key words: language game, communicative strategy, discrediting strategy, phonetic level, tactics of accusation.

В XXI веке понятие информационная война стало широко использоваться не только в политическом дискурсе, но и в социально-коммуникативном пространстве, средствах массовой информации. Особенно остро и наглядно этот процесс развивается на телевидении, в электронных СМИ и даже в глобальном сетевом общении. Функция передачи информации зачастую перестает быть основной во многих политических медиа-шоу, программах и т.д., уступая место речевому воздействию, чаще всего опирающемуся на агрессию и манипуляцию общественным сознанием. Информационная функция становится функцией обеспечения достижения манипулятивных целей адресанта.

В наше время возникает множество возможностей и социально-политических потребностей эффективного, а также масштабного воздействия на сознание большой аудитории, активно используя при этом средства языка, позволяющие быстрее и успешнее добиваться поставленных целей. Одним из самых широко используемых средств речевой агрессии стала языковая игра (ЯИ).

Начало системному исследованию языковой игры в рамках лингвистического подхода было положено в ряде трудов, имеющих общее название «Русская разговорная речь». Авторы коллективной монографии Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, опубликованной в сборнике «Русская разговорная речь», считают, что ЯИ «можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка» чаще всего «в виде установки на комический эффект» [3]. Авторы дают следующее определение термину языковая игра – это «те явления, когда говорящий играет с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более и менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [3].

Многие исследователи понимают данное определение как слишком широкое. Так, В.З. Санников отмечал, что под него попадает вся художественная литература, так как «нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности» [14]. При узком подходе к пониманию языковой игры данный термин определяется как «творческое, свободное отношение к форме речи, неканоническое употребление языка, позволяющее говорящему реализовать способности к языковому творчеству и выделить себя как языковую личность из ряда других говорящих личностей: языковая игра – деканонизированная форма употребления и порождения языковых единиц [2].

Языковая игра – это нетривиальное явление речи, которая относится к вторичным формам коммуникации. С одной стороны, она позволяет выразить мысль более ярко, точно, лаконично, представить адресанта в более выгодном свете, оказать на адресата более мощное интеллектуально-эмоциональное воздействие. С другой – декодирование сообщения, построенного на основе языковой игры, представляет собой сложную задачу, в том числе с точки зрения установления конфронтационных интенций говорящего.

Следует отметить, что сегодня в самых разнообразных типах дискурса, как в массовом, так и в межличностном общении, коммуниканты в той

или иной степени используют элементы ЯИ. Однако, как уже было упомянуто выше, наиболее явно и остро это явление функционирует в политических дебатах, телевизионных шоу, дискуссиях и т.д. Именно поэтому настоящее исследование построено на анализе языкового материала, представленного в ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым». Объект исследования – языковая игра, предмет – средства фонетического уровня, реализующие коммуникативное поведение конфронтационного типа.

В политической коммуникации одной из главных задач является приобретение преимущества над оппонентом. Достижению этой цели служат две коммуникативные задачи: самопрезентация и дискредитация оппонента.

По мнению О.С. Иссерс и С.В. Дорониной, одна из коммуникативных задач стратегии дискредитации – негативное воздействие на чувства адресата: намерение унижить, сделать объектом насмешки, оскорбить. Тогда успех стратегии оценивается по перлокутивному эффекту: адресат обижен, оскорблен, чувствует себя объектом насмешки [4]. Для реализации коммуникативных действий деструктивного типа участники политического ток-шоу В. Соловьева активно используют фонетические ресурсы языка. Это обусловлено тем, что фонетический уровень языковой системы в целом характеризуется высокой степенью консерватизма, наименее подвержен каким-либо изменениям и отличается наличием жестких правил. Отсюда всякое отступление от этих правил привлекает внимание коммуникантов и служит эффективным способом решения коммуникативных задач.

Исследование конфронтационного дискурса политического ток-шоу В. Соловьева позволило выделить два наиболее продуктивных вида игры слов, построенной на нарушении норм фонетического уровня: 1) пародирование речи; 2) замена полнозначительного слова звукоподражательным словом. Языковая игра, построенная на данном приеме, направлена на высмеивание собеседника и его дискредитацию, что позволяет коммуниканту успешно решать свои коммуникативные задачи.

Пародирование речи

В анализируемом материале было выявлено три наиболее часто встречающихся типа пародирования:

1. Копирование в чистом виде – воспроизведение речи своего оппонента или известной личности без каких-либо существенных изменений в звуковом оформлении слов, только средствами интонации.
2. Копирование индивидуально-авторских особенностей речи – пародирование речи своего оппонента или известной личности с учетом индивидуальных речевых особенностей, обусловленных первым языком (украинским, грузинским, еврейским и пр.).
3. Копирование (пародирование) фонетических особенностей речи другого народа (украинского, грузинского, еврейского) безотносительно к какому-либо лицу.

Проанализируем каждый из данных типов пародирования.

1. Чаще всего в исследуемом дискурсе применяется первый тип пародирования. Это происходит, как правило, в тех случаях, когда участники программы пытаются изменить ранее заданный ракурс оценки обсуждаемых событий. Восстановление контроля за развитием темы требует применения эффективного инструментария, который очень часто связан с нарушением норм коммуникации, а потому и морали. Например:

В. Ковтун: *Это вы пытаетесь ерничать, потому что русский мир уходит.*

В. Соловьев: *Родной, тогда выдави из себя половину своей крови и скажи твоей маме, что ты: «Мама, я тебя больше не люблю, ты русская. А я, мама, с ордынцами, дело не имею». Русский мир ты из себя выдавливаешь (17.06.2019).*

«Орда. 2. Перен.; с определением. Пренебр. Вражеское войско; полчище. Фашистские орды» [1].

Во фразе В. Ковтуна содержится нарушение закона формальной логики закона тождества, что делает ее смысл абсурдным. В. Соловьев воспроизводит предполагаемое содержание разговора своего оппонента с матерью и показывает несостоятельность высказываемой им позиции. Он отмечает, что собеседник и сам во многом является частью русского мира. Если данный подход довести до абсурда, то придется отказаться от своей матери и от части самого себя. Данный прием относится к когнитивному плану, однако опирается на имитацию чужой речи, при которой используются исключительно средства интонации: повышение голоса, изменение регистра. Ведущий грубо вторгается в пространство внутреннего «Я» собеседника, что является осуждаемым в обществе видом коммуникативного поведения, однако

на это он получает карт-бланш от своего оппонента, который первым позволил себе нарушить нормы коммуникации в форме искажения информации, которое квалифицируется как нарушение максимы качества. Отсюда языковая игра в данном примере, репрезентирующая коммуникативную тактику обвинения собеседника в нарушении норм морали, не носит исключительно деструктивного характера, а выступает способом «принуждения к миру» по отношению к собеседнику, призывом оставаться в рамках правил приличия.

2. В программе от 05.03.2018 г. Андрис Лиелайс крайне негативно высказывался по поводу достижений И.В. Сталина, в частности, особо акцентировал внимание на том, что Нижневартовск буквально построен «на костях». Затем между ним и В. Соловьевым произошел следующий диалог:

В. Соловьев: *Нет ни одного города из известных, который не построен на костях и крови. Вот вам напомнить Париж, как перестраивал Осман?*

А. Лиелайс: *Так может это и есть один из ударов Сталина великих?*

В. Соловьев: *При всем уважении, но Париж и Осман перестраивал Париж не во время Сталина, а в XIX веке, когда **товарищ** Сталин **токо** родился, и **то–позже** (произнесено с характерным грузинским акцентом) [15].*

Пародирование речи данного типа основывается на фонетических изменениях, обусловленных особенностями речи обсуждаемого лица: в слове *товарищ* происходит мена [и] на [ы] (*товарищ*), опускается звук [л'] в слове *только* (*токо*); в слове *позже* четко произносится непроемкий звук [з]. Данные изменения приводят к имитации грузинской речи, в частности, самого И.В. Сталина.

Имитация особенностей звуковой стороны речи И.В. Сталина направлена на восстановление коммуникативного доминирования в беседе, а также на реализацию коммуникативной тактики обвинения собеседника в невежестве, что делает неосновательными выпады в адрес И.В. Сталина.

3. Третий подтип фонетических искажений речи коммуникантов предполагает имитирование звуковой стороны речи не конкретного лица, а какого-либо языка в целом. Чаще всего В. Соловьев пародирует особенности речи украинцев и евреев. Например:

В. Соловьев не согласен с позицией В. Ковтуна по вопросу о газовом конфликте между Украиной и Газпромом. Для выражения своей позиции ведущий намеренно искажает слова и произносит их на украинский манер:

*Нафтогаз выиграл у Газпрома. Это спор двух коммерческих субъектов. В результате этой вашей легендарной победы вы сейчас покупаете газ в 4 раза дороже, но считаете, «**тю, назло бабúшке отморозим ягодуúшки**» [15].*

В данном примере имеет место лексическое варьирование устойчивого выражения *назло бабúшке отморозу себе уши: тю, назло бабúшке отморозим ягодуúшки* («мотивация индивидуума может быть настолько сильной, что он не остановится ни перед чем, чтобы достигнуть своих целей, даже если это навредит ему самому»). Имитация украинской речи осуществляется также за счет понижения стилистического регистра и включения во фразу просторечного междометия *тю* («**Тю междом. прост.** Выражает неприятное изумление, разочарование, пренебрежение» [6], замены слова *уши* на *ягодуúшки* (ягодицы), а также переноса ударения в слове *бабúшке*, окказионального словообразования в слове *ягодуúшки* и называния части тела, номинация которых в публичной коммуникации ограничена нормами морали. Русскоязычным сообществом вся украинская речь воспринимается как сниженная, т.к. заимствования из украинского языка уже давно получили стабильную ненормативную стилистическую маркированность в русском языке. Поэтому особенности украинской речи очень часто сочетаются с обычными средствами понижения стилистического регистра, что не связано с украинским языком, однако способствует имитации сниженной речи.

Замена полнозначительного слова звукоподражательным словом

Иногда для придания большей эмоциональности своей речи В. Соловьев заменяет знаменательное слово звукоподражательным. Например:

В. Соловьев (обращаясь к В. Ковтуну): *Значит так. Ракеты не летели. Было проведено тщательное расследование, в том числе и американцами. Они не летят в Майами. Поэтому, когда вам это, **вжух** (движение рукой), кажется, вы внимательно смотрите. Если вы посмотрите, то даже форма континентов не соответствующая реально. Но я верю, что **география – предмет тяжелый, не всем дался** [15].*

Замена полнозначительного глагола *летит* звукоподражательным словом со сниженной разговорной стилистической маркированностью *вжух*, сопровождающееся жестом (движение руки вверх), порождает намек на то, что адресант не компетентен в военных вопросах: для него ракета – это просто звук или *вжух*. А значит, он просто не может правильно оценить сложившу-

юся ситуацию. Данный фрагмент текста реализует коммуникативную тактику обвинения собеседника в некомпетентности, что нейтрализует невыгодную для России точку зрения по обсуждаемому вопросу.

Исследование данного дискурсивного пространства показало, что к языковой игре, построенной на приемах фонетического уровня, обращается только ведущий программы: чаще всего (85%) он пародирует чужую речь, гораздо реже (15%) использует мену на звукоподражательное слово.

Применение фонетических приемов языковой игры в конфронтационном дискурсе в некоторой степени нейтрализует степень деструктивности коммуникации, т.к. направлено на достижение «положительных» целей: восстановление статуса-кво в рамках политической дискуссии (соотношения баланса между различными оценками предмета речи), а также доминирования ведущего за счет информационного и / или административного ресурсов. Этому же способствует использование исключительно не прямой формы коммуникации.

Таким образом, следует различать еще одну функцию языковой игры наряду с инвективной (конфронтационной), метаязыковой (эстетической– кооперационной) – нейтрализующую (конфронтационно-кооперационную). Последняя формально носит деструктивный характер, однако на самом деле направлена на «созидание» в рамках острой политической дискуссии. Объектом первой функции является лицо, второй – язык, третьей – сфера коммуникации. Отсюда в качестве источников языковой игры следует различать психологические, семиотические и социальные причины. Они всегда выступают вместе, однако при реализации каждой из трех функций акцент смещается на одну из них: для инвективной функции важным является психологический аспект, для эстетической – семиотический, для нейтрализующей – социальный.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 724.
2. *Гридина Т.А.* Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры // Дис. докт. филол. наук. М., 1996. С. 9–10.

3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. С. 212–213.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 183.
6. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: Ок. 16 000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 867.
7. Меликян В.Ю. Носит ли высказывание «я считаю, что она конченная стерва...» оскорбительный характер? // Материалы I-ой Международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2011 г.). Ростов-на-Дону: Дониздат, 2011. С. 144–163.
8. Меликян В.Ю. «Православие или смерть!»: речевая агрессия как способ решения задач духовного просвещения общества // Материалы III-й Международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2013 г.). Ростов-на-Дону: Дониздат, 2013. С. 137–145.
9. Меликян В.Ю. «Оскорбление религиозных чувств верующих»: юрислингвистическое параметризирование // Материалы V-й Международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2015 г.). Ростов-на-Дону: Дониздат, 2015. С. 34–57.
10. Меликян В.Ю., Посиделова В.В. Комплексный подход как основа для установления явной и скрытой речевых стратегий в конфликтных текстах СМИ (на материале одного судебного разбирательства) // Материалы VII-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2017 г.). Ростов-на-Дону: Дониздат, 2017. С. 111–128.
11. Меликян В.Ю. Методология и практика юридикации инвективной лексики // Материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2019 г.). Ростов-на-Дону: Дониздат, 2019. С. 5–26.

12. Меликян В.Ю., Трофимова В.А. О лингвистическом статусе феномена «коммуникативное давление» // Материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2019 г.). Ростов-на-Дону: Дониздат, 2019. С. 27–35.
13. Меликян В.Ю. Провокация vs подстрекательство: нормы этики vs нормы права (юрислингвистическая интерпретация) // Материалы X-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2020 г.). Ростов-на-Дону: Дониздат, 2020. С. 6–26.
14. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 541.
15. Вечер с Владимиром Соловьевым от 05.03.2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HbdNeBtZJ3E>. (дата обращения 10.05.2021).

R E F E R E N C E S

1. Big explanatory dictionary of the Russian language: А-Я / RAS. Institute of ling. research.; Comp., Ch. ed. Ph D. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. P. 724.
2. Gridina T.A. The associative potential of a word and its implementation in speech. The phenomenon of a language game // Thesis. M.: 1996. P. 9–10.
3. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. Language game // Russian colloquial speech: Phonetics, morphology, vocabulary, gesture. M.: Nauka, 1983. P. 172–214.
4. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. M.: LKI, 2008. P. 212–213.
5. Issers O.S. Speech impact. Tutorial. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. P. 183.
6. Kveselevich D.I. Explanatory dictionary of profanity of the Russian language: about 16 000 words. M.: Astrel: AST, 2003. P. 867.
7. Melikyan V.Yu. Is the statement “I think she's a complete bitch ...” offensive? // Materials of the 1st International Scientific and Practical Con-

- ference "Language and Law: Actual Problems of Interaction" (November 15, 2011). Rostov-on-Don: Donizdat, 2011. P. 144–163.
8. *Melikyan V.Yu.* "Orthodoxy or death!": Speech aggression as a way to solve the problems of spiritual enlightenment of society // Materials of the III International Scientific and Practical Conference "Language and Law: Actual Problems of Interaction" (November 15, 2013). Rostov-on-Don: Donizdat, 2013. P. 137–145.
 9. *Melikyan V.Yu.* "Insulting the religious feelings of believers": legal-linguistic parameterization // Materials of the V-th International Scientific and Practical Conference "Language and Law: Actual Problems of Interaction" (November 15, 2015). Rostov-on-Don: Donizdat, 2015. P. 34–57.
 10. *Melikyan V.Yu., Posidelova V.V.* An integrated approach as a basis for establishing explicit and covert speech strategies in conflicting media texts (based on one trial) // Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference "Language and Law: Actual Problems of Interaction" (November 15, 2017). Rostov-on-Don: Donizdat, 2017. P. 111–128.
 11. *Melikyan V.Yu.* Methodology and practice of legalization of invective vocabulary // Materials of the IX-th All-Russian scientific-practical conference "Language and law: topical problems of interaction" (November 15, 2019). Rostov-on-Don: Donizdat, 2019. P. 5–26.
 12. *Melikyan V.Yu., Trofimova V.A.* On the linguistic status of the phenomenon of "communicative pressure" // Materials of the IX-th All-Russian Scientific and Practical Conference "Language and Law: Actual Problems of Interaction" (November 15, 2019). Rostov-on-Don: Donizdat, 2019. S. 27–35.
 13. *Melikyan V.Yu.* Provocation vs incitement: norms of ethics vs norms of law (legal linguistic interpretation) // Materials of the X-th All-Russian scientific-practical conference "Language and law: topical problems of interaction" (November 15, 2020). Rostov-on-Don: Donizdat, 2020. P. 6–26.
 14. *Sannikov V.Z.* Russian language in the mirror of a language game, 2nd edition, M.: Languages of Slavic culture, 2002. P. 77–80.
 15. Evening with Vladimir Solovyov, 05.03.2018. [Electronic resource]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HbdNeBtZJ3E> (accessed 10.05.2021).

11 мая 2021 г.